

И сестри по гарему: Хуньюй будет расти день ото дня, научится звать императора-отца, станет ластиться к Императору и видеть в нём величественного отца. До конца своих дней наложница желает лишь охранять Императора и Хуньюй.

Она шагнула вперёд и мягко сжала его прохладную руку:

— Что бы ни ждало нас в будущем — бури и невзгоды или эпоха великого процветания, наложница и Хуньюй всегда будут рядом с Императором, никогда не покинут его и не предадут, и это останется неизменным до конца дней.

Юнчжэн резко открыл глаза и посмотрел на стоящую перед ним нежную и спокойную женщину.

Он крепко сжал её руку в ответ, словно пытаясь найти хоть капельку тепла в этом глубоком гареме.

— Наша семья всегда будет вместе, — тихо произнёс он, и в его голосе послышалось некое облегчение.

Он наклонился и легко коснулся лба Хуньюй. Младенец словно почувствовал это, шевельнул губами и издал тихое сопение. В этот миг в холодном императорском дворце наконец повеяло простым человеческим теплом.

В то время как в Дворце Юншоу царило уютное тепло, в самом уединенном уголке Запретного города — Зале Баохуа — царил холод.

С тех пор как Чжэнь Хуань была посажена под домашний арест и отправлена в этот зал, её сердце окаменело от отчаяния. День и ночь она проводила перед тусклым светом лампад и холодными статуями Будды, не интересуясь ничем происходящим в мире.

Её и без того крайне слабое после родов тело, помноженное на душевную тоску и проникновение холодных недугов, всего за несколько дней свалила жестокая лихорадка. Она в бреду лежала на монашеском ложе, не принимая ни воды, ни пищи, и еле дышала.

Цзинь Си дежурила у её постели, дни и напролет обливаясь слезами. Не имея другого выхода, она решилась тайком передать весть Су Пэйшэну — на это уповала её последняя надежда в этом глубоком гареме.

Но она не знала, что с того самого дня, как Чжэнь Хуань была низвергнута в Зал Баохуа, Су Пэйшэн уже принял жестокое решение полностью порвать с ней все связи.

Его и Цзинь Си издавна связывали нежные чувства, они тайком поддерживали друг друга в былые дни, храня это молчаливое соглашение.

Однако Чжэнь Хуань — опальная наложница, разгневавшая драконий лик, та, кого сам Император приказал запереть под арестом, запретив кому-либо интересоваться её судьбой. Будучи главным евнухом и ближайшим доверенным лицом государя, он не мог позволить себе и малейшего намека на связь с ней. Разрыв отношений был способом защитить себя и в то же время тайной попыткой уберечь Цзинь Си от погружения в пучину безвозвратной гибели.

И всё же, когда младший евнух передал ему весть из Зала Баохуа, сердце Су Пэйшэна сжалось.

Как бы ни пала в немилость благородная госпожа Вань, она в конце концов была биологической матерью седьмого принца Хуанъаня. Если она действительно умрет в заброшенном Зале Баохуа, Император, вспомнив со временем о былой привязанности и о сыне, непременно изольет свой гнев на окружающих. А уж ему, главному евнуху, и вовсе не избежать тяжкой вины.

Взвесив всё тысячу раз, Су Пэйшэн все же отыскал момент, когда настроение Императора немного смягчилось, и замер в почтительном поклоне за пределами Дворца Юншоу. Дождавшись, пока Юнчжэн выйдет наружу, он осторожно опустился на колени и доложил:

— Император, из Зала Баохуа пришли вести: у благородной госпожи Вань не спадает сильная лихорадка, она в бреду уже два дня, лекарства принять не может... Боюсь, она долго не протянет.

Шаг Юнчжэна замедлился, лицо мгновенно помрачнело:

— Раз уж она всем сердцем обратилась к Будде, ей следовало бы хранить чистоту помыслов и смирять желания. Такая хрупкая и болезненная — видать, это Я её прежде слишком избаловал.

Хотя слова звучали сурово, в них промелькнуло мгновенное колебание.

Он сердился на её дерзость, ненавидел за непокорность и пуще прежнего злился за то, что она сорвала ту занавесу, за которой скрывалось сходство с Чуньюань. Но как бы то ни было, она родила Хуанъаня и являлась законной матерью императорского сына.

Если позволить ей умереть в Зале Баохуа, это не принесет ничего хорошего ни чести императорского рода, ни будущему седьмого принца.

Помолчав немного, Юнчжэн взмахнул рукой:

— Оставить. В конце концов, она мать венценосного потомка, нельзя позволить ей вот так сгинуть. Передай в Императорскую больницу, пусть отправят туда надежного лекаря для осмотра и лечения, да оставят целебных снадобий, чтобы поставили её на ноги.

Когда Су Пэйшэн отправился передавать императорский указ, Вэнь Шичу, услышав, что в Зал Баохуа собираются направить лекаря, немедленно шагнул вперед, сложил руки в почтительном поклоне, и его голос прозвучал искренне и горячо:

— Я готов отправиться в Зал Баохуа и лечить благородную госпожу Вань! Госпожа тяжело перенесла роды, и её тело ослаблено. Я неоднократно проверял её пульс и лучше всех знаю особенности её организма, а с послеродовой тоской справлюсь искуснее прочих. Уж я-то сумею защитить благородную госпожу Вань и обеспечить её безопасность!

В его сердце жила тревога за Чжэнь Хуань, не дававшая ему покоя ни днем, ни ночью. Теперь же, получив шанс позаботиться о ней, он, естественно, поспешил вырваться вперед. Су Пэйшэн бросил на него взгляд, догадался о его чувствах и тотчас взял его с собой в Зал Баохуа.

Словно получив помилование, Вэнь Шичу тут же взвалил на спину аптечку и зашагал так быстро, что почти бегом бросился в Зал Баохуа.

В холодном зале Чжэнь Хуань лежала без сознания, её лицо было мертвенно-бледным, а

дыхание — еле уловимым.

Вэнь Шичу толкнул дверь и, увидев угасающую Чжэнь Хуань на монашеском ложе, почувствовал острую боль в груди. Он немедленно опустил аптечку и шагнул вперед, чтобы приступить к осмотру.

Вэнь Шичу пробыл в Зале Баохуа целых семь дней. Синева под его глазами стала настолько тяжелой, что её уже невозможно было скрыть, но он ни на миг не позволял себе ослабить бдительность.

Когда Чжэнь Хуань терзала жестокая лихорадка, он неотлучно дежурил у её ложа: серебряными иглами выводил жар и протирал тело крепким вином для охлаждения. А когда озноб и жар немного отступали, он лично караулил у лекарственной печи, следя за тем, чтобы огонь и время приготовления отвара соблюдались с абсолютной точностью.

Лицо Чжэнь Хуань, лежавшей на ложе, постепенно из мертвенно-бледного стало обретать едва заметный живой оттенок, её судорожно сдвинутые брови понемногу разгладились, а плотно сомкнутые ресницы наконец легонько задрожали.

На третий день на рассвете она медленно открыла глаза. В её взгляде по-прежнему зияла мертвенная пустота, но в нем забрезжила искра жизни, и она уже не казалась увядающей на пороге смерти.

— Госпожа! Вы очнулись! — Цзинь Си залилась слезами радости, поспешно подступила ближе, чтобы помочь ей прислониться спиной к мягкой подушке, и проговорила срывающимся голосом: — Вы наконец очнулись! Вэнь-дажэ дежурил у вашей постели семь дней и семь ночей, не отходя ни на шаг.

Чжэнь Хуань перевела взгляд на стоявшего у изгороди Вэнь Шичу. Его одежда помялась, глаза покраснели от лопнувших сосудов, а некогда безупречные одежды были запятнаны каплями лекарственного отвара. В груди шевельнулась горькая нотка, она приоткрыла рот и хрипло произнесла:

— Благодарствую... Вэнь-дажэ.

— Госпожа излишне вежлива, спасти жизни и исцелить больных — долг вашего слуги, — Вэнь Шичу поспешно приблизился и опустил пальцы на её запястье. Ощувив ровный, набирающий силу пульс, он наконец позволил себе выдохнуть с облегчением: — Пульс госпожи уже приходит в норму, простуда и застой холода рассеиваются. Достаточно будет еще с десяток дней соблюдать покой и подкреплять силы жидкой рисовой кашей, чтобы окончательно исцелиться.

Он поднялся, чтобы собрать медицинские принадлежности, но всё же не удержался от слов:

— И всё же госпоже следует помнить, что тело принадлежит ей одной. Даже если на душе тяжело, нельзя так жестоко морить себя. Взрослый господин Чжэнь все еще в Нингута, а седьмой принц — во Дворце Цзинжэнь. Если вы сломитесь, у них не останется никакой надежды.

Эти слова задели самую сокровенную струну в душе Чжэнь Хуань.

Не то чтобы ей не было больно или она не таила обиду — просто жестокосердие Императора шаг за шагом загоняло её в безвыходное положение.

Но слова Вэнь Шичу отрезвили её: она не смеет умирать. Она должна жить. Жить до тех пор, пока с семьи Чжэнь не будет смыто позорящее клеймо, жить, чтобы увидеть взросление Хуаньяня, и жить, чтобы добиться справедливости во всем.

Чжэнь Хуань закрыла глаза, и две чистые слезинки беззвучно скатились по щекам, упав на простую монашескую одежду и оставив на ней темные влажные пятна.

Когда она открыла их вновь, прежнюю мертвенную пустоту сменил тончайший слой непреклонного льда, за которым таилась решимость сжечь корабли.

— Я поняла, — тихо произнесла она, и пусть голос звучал слабо, каждое слово было отчетливым. — Спасибо тебе, братец Шичу.

Увидев это, Вэнь Шичу наконец почувствовал облегчение. Он оставил рецепт для восстановления сил, многократно наставляя Цзинь Си насчет отвара и диетических ограничений, а также оставил все принесенные с собой целебные травы. Лишь после этого, со взвали за плечи опустевшей наполовину аптекой, он усталой поступью покинул Зал Баохуа.

Перед уходом он пообещал Чжэнь Хуань разузнать вести о её отце и остальных родных.

Ветер в Зале Баохуа по-прежнему холодил душу, но та, что лежала на ложе, все же вернулась с порога преисподней, и в её иссохшем, подобном высохшему дереву теле стали пробиваться ростки жажды жизни.

В другой части Запретного города клан Гуалгия, возвысившийся благодаря заслугам главы семейства перед престолом, наконец дождался указа о входе во дворец. Дочь Гуалгия Эминя, семнадцати лет от роду, прелестная и ослепительно яркая, по повелению государя вошла во дворец. Её пожаловали титулом благородной госпожи Ци и велели проживать в Дворце Сюсю.

Клан Гуалгия сыграл выдающуюся роль в свержении семьи Нянь и пользовался глубоким доверием Императора, поэтому благородная госпожа Ци с самого появления во дворце оказалась окружена всеобщим вниманием.

Нрав у нее был живой и бойкий, язычок — сладкий, она умела угождать, и всего за день-два сумела развеселить Юнчжэна своими речами, снискав его неподдельную милость.

Когда эта весть долетела до Дворца Цзинжэнь, Императрица как раз перебирала чётки, читая молитвы.

Цзянь Цю почтительно доложила:

— Ваше Величество, благородная госпожа Ци молода, красива и происходит из знатного рода. Император весьма к ней благоволит, и ныне во дворец она пришла с большой помпой.

— Прекрасно, — Императрица опустила чётки и подняла руку, чтобы поправить рукав. — Семья Чжэнь палó, а Чжэнь Хуань сидит взаперти в буддийском зале. Этому гарему как раз не хватает нового, острого клинка. Клан Гуалгия смертельно враждует с семьей Чжэнь, к тому же они происходят из маньчжурских знатных знамен, а нравом она проста и избалована — лучшего орудия и не сыскать.

Она приказала:

— Ступай, принеси то ожерелье из красного агата из моей сокровищницы и позови благородную госпожу Ци во Дворец Цзинжэнь повидаться со мной.

Не прошло и четверти часа, как благородная госпожа Ци легкой походкой ступила во Дворец Цзинжэнь.

На ней было розовое атласное платье, расшитое узорами, а прическу украшали многочисленные жемчужные шпильки. Отдавая поклон, она лучилась девичьей прелестью и резвостью, не выказывая ни капли стеснения:

— Вассалка приветствует Императрицу, желаю Вашему Величеству благополучия и мира.

— Поднимись, — мягким голосом позвала её Императрица, знаком подзывая ближе. Окинув девушку оценивающим взглядом, она ласково произнесла: — И впрямь хорошенькая девочка, сразу видно породу дочерей из маньчжурских знамен. Ты впервые во дворце, если в будущем столкнешься с какими-либо трудностями, смело приходи ко мне, не нужно стесняться.

Благородная госпожа Ци, польщенная и испуганная одновременно, поспешно выразила благодарность:

— Благодарю Императрицу за заботу, вассалка запомнит это.

Императрица приняла из рук Цзянь Цю парчовую шкатулку и медленно открыла её. Внутри лежало ожерелье из красного агата: каждая бусина была круглой и гладкой, а цвет пылал подобно крови. В свете ламп оно отливало мягким сиянием, сразу выдавая бесценную драгоценность.

— Этот агат чистой породы, он отгоняет злых духов и дарит крепкий сон — как раз для такой юной девушки, как ты, — Императрица вложила ожерелье ей в руки, и её тон стал еще теплее. — Дарю его тебе сегодня во-первых, в знак поздравления с вступлением во дворец, а во-вторых, чтобы ты знала: в этом гареме я всегда буду твоей опорой.

Прижимая ожерелье к груди, благородная госпожа Ци ощущала его прохладную гладкость и ослепительный цвет, и сердце её переполнилось радостью. Она знала, что Императрица — госпожа всего гарема, и заручиться ее благосклонностью означало прочно закрепиться во дворце. Немедля опустившись на колени, она выразила признательность искренним голосом:

— Вассалка благодарит Императрицу за милость! Я никогда не забуду столь великой доброты Вашего Величества и впредь буду во всем следовать за Вами!

По простоте душевной она отличалась капризностью и недалеким умом, наивно полагая, что Императрица и вправду прониклась к ней искренней нежностью.

— Девчонка, вставай, — Императрица помогла ей подняться. — Впредь веди себя в гареме благопристойно, а я позабочусь о том, чтобы тебя никто не обидел.

Играя с ожерельем, благородная госпожа Ци радостно поблагодарила государыню и удалилась.

Глядя вслед удаляющейся фигурке, Императрица холодно улыбнулась про себя:

Благородная госпожа Ци глупа, но поистине хороша собой — она как раз сгодится на роль оружия против Ань Линжун. Ныне Ань Линжун почивает на лаврах под защитой наследника,

слишком уж безмятежна её жизнь, а мне нужно, чтобы в этом гареме наконец поднялась буря.

Время пролетело быстро, и вот настал день празднества в честь церемонии выбора судьбы для Хуньюй.

Юнчжэн безмерно любил этого младшего сына, с малых лет отличавшегося крепким здоровьем и сметливым умом, и заблаговременно отдал приказ устроить празднество во Дворце Чунхуа, куда должны были явиться все княгини, наложницы дворца и знатные матроны императорского рода.

Дворец Чунхуа внутри и снаружи был украшен праздничными гирляндами, вокруг колонн вились красные шелковые ленты. Из императорской кухни непрерывным потоком несли изысканные яства, и даже каменные балюстрады у входа в залы были обвиты ярко-желтой парчой с вышитыми узорами из ста сыновей и тысячи внуков. Пышность этого торжества намного превосходила обычные обряды празднования первого года жизни принцев.

Ань Линжун облачилась в парадные одежды благородной наложницы с вышитыми золотом фениксами и благоприятными облаками, а её прическу венчала шпилька с фениксом из семи хвостов, инкрустированная жемчугом. Она восседала на почетном месте рядом с главой гарема.

Кормилица держала на руках Хуньюй, облаченного в алый парчовый халат. Малыш рос писаным красавцем: его черные, как бусины, глаза непрерывно бегали по сторонам. Он совсем не боялся чужих людей, и стоило ему заметить входящего Юнчжэна, как он протянул ручки и звонко позвал: Ама! — чем вызвал у Юнчжэна бурный восторг. Император протянул руки, подхватил мальчика на руки и долго баюкал его.

Наложницы стекались со всего гарема, чтобы принести поздравления. Императрица И Сю восседала на главном месте в средних покоях, а на её лице застыла чинная и уместная улыбка.

Хотя в ее руках формально находился седьмой принц Хуанъань, тот с рождения был болезненным и каждые три дня нуждался в лекарях, значительно уступая здоровому и всеми любимому Хуньюй. Ань Линжун же ныне купалась в императорской милости, воспитывала принца и держала в руках реальную власть над шестью дворцами. Столь пышное празднество было недвусмысленным заявлением всему гарему о том, как сильно Юнчжэн благоволит Хуньюй.

— Император, шестой принц одарен от природы, в свои неполные год уже умеет говорить — поистине благословение Великой Цин! — улыбаясь, подняла бокал Императрица. — А сестра-благородная наложница Вэнь столь искусно воспитывает сына, что служит примером для всего гарема.

Ань Линжун поднялась с поклоном, ответив сдержанным тоном:

— Императрица преувеличивает. То, что Хуньюй удостоился отцовской любви — великое благо для него. Наложница же молит лишь о том, чтобы он рос здоровым и благополучным, оправдывая надежды Вашего Величества и Императора.

Юнчжэн, сжимая в ладони крошечную ручку Хуньюй, почувствовал, как на сердце стало еще теплее, и громко рассмеялся:

— Мой младшенький — разумеется, лучший! Время пришло, расставляйте поднос для выбора

судьбы.

Едва прозвучал приказ, евнухи тотчас поднесли покрытый позолотой большой красный лаковый поднос и аккуратно установили его на красный ковер, разостланный посреди залы. Согласно установленным правилам, на подносе разложили различные предметы: кисти, тушь, бумагу, тушечницы, тигровые бирки, луки со стрелами, модели нефритовой печати, счеты, золото и серебро, книги и священные тексты. Все они были на виду, причем каждая вещь отличалась тончайшей работой мастеров.

Юнчжэн опустил Хуньюй на красный ковер и с улыбкой произвел:

— Малыш Лиу, посмотри, что тебе по душе, ступай и возьми сам.

Все взоры в зале устремились на маленького ребенка, затаив дыхание. Хуньюй склонил головку набок, окинул взглядом разложенные на подносе вещицы, перешагнул через поблескивающее золото и серебро, уверенно протянул ручонку и схватил лежащую на подносе волчью кисть. Помахав ею в воздухе, он сорвал восторженные возгласы во всем зале.

— Хорошо! Шестой принц выбрал кисть, в будущем он непременно прославится своим литературным талантом и не уступит ученым из академии Ханьлинь! — наперебой принялись складывать руки в приветствии удельные князья и приближенные.

Улыбка Юнчжэна стала еще шире, и он уже собирался заговорить, как вдруг Хуньюй снова зашагал к краю подноса, ухватился за маленькую модель тигровой бирки, крепко зажал её в кулачке и не выпускал, а затем поднял её вверх, потряхивая перед Юнчжэном, словно требуя похвалы.

Тут уж восхищению в зале не было предела. Способный владеть кистью в учености и держать бирку в ратном деле — истинный образ наследника престола, которого больше всего жаждало сердце императора.

Юнчжэн громко рассмеялся, поднялся с места, подхватил Хуньюй вместе с тигровой биркой на руки и воскликнул:

— Хорошо! Воистину мой сын! В меня пошел! Наградить! За заслуги в воспитании сына пожаловать благородной наложнице Вэнь тысячу лянов золота, сотню отрезков шелка, а всем слугам во Дворце Юншоу выдать жалованье за полгода вперед!

Ань Линжун поспешно опустилась на колени, выражая благодарность.

Лишь благородная госпожа Ци, уповая на свою новообретенную милость и волю императрицы, не удержалась, шагнула вперед и кокетливо произнесла:

— Император, шестой принц и впрямь одарен великим счастьем, только вот тигровая бирка — орудие государственной важности. Если принц в столь юном возрасте тянется к такому, не слишком ли... не слишком ли дерзко?

Как только эти слова слетели с ее губ, в зале воцарилась абсолютная тишина.

Лицо Юнчжэна мгновенно помрачнело, и он холодно бросил косой взгляд на благородную госпожу Ци:

— Моему сыну подобает брать всё, к чему лежит его душа. Тебе ли рассуждать об этом? Раз не

ведаешь правил, ступай обратно во Дворец Сюсю и как следует поразмысли над поведением, не смей портить Мне праздник.

Лицо благородной госпожи Ци мгновенно побелело, и она в ужасе рухнула на колени, вымаливая прощение. Только теперь она поняла, сколь тяжелы в сердце императора Ань Линжун и шестой принц — с ними не сравниться никакой новоиспеченной госпоже.

Императрица вовремя выступила вперед, мягко сглаживая углы:

— Император, не гневайтесь. Младшая сестра благородная госпожа Ци сболтнула лишнего без всякого умысла, она еще молода и неразумна, не судите её строго. Нынче счастливый день для Хуньюй, не стоит портить настроение из-за стольких мелочей.

Лицо Юнчжэна немного смягчилось. Он махнул рукой, приказывая благородной госпоже Ци удалиться, а руку, державшую Хуньюй, сжал еще крепче.

Праздник продолжался шумно и весело весь день напролет, и лишь с заходом солнца гости начали расходиться.

В то время как во Дворце Чунхуа веселье стихло, на другом конце Запретного города, в уединенном и холодном Зале Баохуа...

Доносившиеся издалека звуки веселья, музыки и праздничных песен делали царившую в зале тишину еще более гробовой.

Чжэнь Хуань сидела на циновке, перед ней был раскатан свиток с буддийскими текстами, а пальцы перебирали четки, но она не могла разобрать ни единого слова. Весть о празднестве уже дошла до нее: шестой принц купался в лучах славы, милость к Ань Линжун стала еще сильнее, в то время как она сама была заточена в этом крошечном буддийском зале, словно всеми забытая вещь.

Цзинь Си вошла с пиалой горячей рисовой каши и, увидев её отрешенный вид, почувствовала щемящую боль в сердце. Она тихо произнесла:

— Госпожа, поешьте хоть немного горячей каши, вы же со вчерашнего дня во рту ничего не держали.

Чжэнь Хуань покачала головой и только собиралась заговорить, как створки двери легонько отворились, и внутрь проскользнул молодой евнух в одеждах Прачечной. Поспешно отвесив поклон, он сунул ей в руку измятую записку — это была весть, которую Вэнь Шичу через бесчисленные связи передал через человека из числа возвращавшихся из Нингута гонцов.

Джажащими руками Чжэнь Хуань развернула записку. Взглянув на написанные слова, она побелела как полотно и отшатнулась назад, едва не упав.

Её отец, тот самый неподкупный и всегда твердый в своих принципах отец, в суровых краях Нингута доживал последние дни своей жизни.

— Не может быть... Не может быть... — Чжэнь Хуань затряслась всем телом, слезы неудержимо покатались из глаз, а голос сорвался на визг: — Здоровье отца всегда было крепким, как... как могло случиться, что лекарства бессильны? Это ложь, это всё ложь!

— Что случилось? — сердце Хуань Би сжалось от дурного предчувствия. — Неужели... неужели вести об отце?

Чжэнь Хуань больше не могла сдерживаться. Слезы потоком хлынули из глаз, она рухнула на колени, захлебываясь рыданиями:

— Отец в Нингута тяжело заболел, слег в постель, жар не спадает... Местный лекарь говорит... говорит, что лекарства уже не помогут, ему осталось совсем недолго...

Хуань Би обессиленно опустилась на соломенную подстилку, чувствуя, будто из ее груди варварски вырвали кусок плоти. Боль была настолько невыносимой, что перехватывало дыхание, и она долго не могла прийти в себя.

Чжэнь Хуань думала, что уже достигла самого дна отчаяния, но никак не ожидала, что судьба нанесет ей еще более сокрушительный удар.

Она ненавидела холодность Юнчжэна, ненавидела козни Императрицы, но теперь вся эта ненависть меркла перед лицом страха за судьбу близких.

Она знала: если она и дальше будет заперта в Зале Баохуа, ей останется лишь бессильно наблюдать, как её семья погибает в тысячах ли отсюда, в ледяной пустыне.

Нет, она не могла так просто покориться судьбе.

Она должна выбраться отсюда, должна подняться, должна спасти отца, матушку и Юй Яо.

Но сейчас она — опаленная опалой наложница, чей арест в Зале Баохуа подтвержден лично Императором, и ей не подобраться даже к порогу Дворца Янсинь.

Даже если она вновь воспользуется тенью Чуньюань, переписывая сутры и вознося молитвы, чтобы размягчить сердце государя, в лучшем случае ей снимут опалу и переведут обратно в Беседку Осколков Нефрита, но у нее по-прежнему не останется ни малейшего права голоса — не говоря уже о том, чтобы испросить указ о помиловании семьи Чжэнь и возвращении больного отца в столицу.

В этом гареме любые милости — лишь иллюзия, и лишь зачатие императорского наследника служит самым прочным козырем.

Императрица из всех сил стремилась взять на воспитание Хуаньаня лишь потому, что желала владеть венценосным потомком.

А она, Чжэнь Хуань, сможет заставить Императора окончательно смягчиться, вновь прочно занять место в гареме и спасти отца лишь в том случае, если сама понесет под сердцем дитя императорской крови.

Но стоило этой мысли промелькнуть в голове, как жестокая реальность разбила ее вдребезги.

Она заперта в Зале Баохуа, где из живых душ видит лишь приносящих еду евнухов да приходящих по приказу лекарей, — ей даже не доведется увидеть лицо Императора, откуда же взяться шансу понести от него дитя?

Даже если Император изредка вспомнит о ней и соизволит взглянуть, пути монаршего сердца неисповедимы: одна лишь милость не гарантирует зачатия, а если она вновь навлечет на себя

его гнев, то погрузится в бездну окончательной гибели.

Она обязана действовать наверняка, обязана как можно скорее забеременеть — у нее больше нет времени на медленные расчеты и планы.

Кончики пальцев Чжэнь Хуань до боли впились в холодные каменные плиты пола, в голове вихрем пронеслись все знакомые лица, пока наконец одно имя не всплыло отчетливо и ярко — Вэнь Шичу.

Да, только Вэнь Шичу.

Он — лекарь, который под предлогом осмотра по императорскому указу может свободно входить в Зал Баохуа и выходить из него, не вызывая ни у кого подозрений. К тому же его чувства к ней оставались неизменными на протяжении стольких лет: будь она окружена величайшей милостью или обращена в презренную изгнанницу, он неизменно шел за ней рука об руку, готовый защищать её ценой собственной жизни.

И самое главное — он согласится. Каким бы безумным, каким бы преступным ни было ее требование, он выполнит его.

От этой мысли в душе Чжэнь Хуань поднялась жгучая волна вины и тревоги.

<http://bllate.org/book/21976/2283858>